

Увлечения государственного герольдмейстера

Георгий Вилинбахов любит оловянных солдатиков

Независимая - 2004 - 25 июня - с. 13-14.

Вера Камша
Санкт-Петербург

В 1994 г. в России появился государственный герольдмейстер. Указом президента Ельцина им был назначен Георгий Вилинбахов. Историк по образованию, он с 1969 г. работает в Государственном Эрмитаже. Начал как хранитель коллекции знамен и военной графики, с 1992 г. — заместитель директора музея. В 1999 г. он возглавил Геральдический совет при президенте РФ.

— Георгий Вадимович, одновременно руководить государственной герольдией и заниматься Эрмитажем, мягко говоря, сложно? Вы не думали выбрать что-нибудь одно?

— Совмещать непросто, но я занимаюсь и буду заниматься и тем и другим, потому что мне это интересно. Если б какое-то из этих двух направлений не доставляло мне удовлетворения, я бы, естественно, от него отказался.

— У вас было много работы в связи с церемонией инаугурации президента?

— Нет, не очень. Церемония проводилась по тому же сценарию, что и прошлый раз, так что большая часть нашей работы была выполнена четыре года назад.

— Значит, можно говорить о нарождающейся традиции?

— Да, тем более церемония 2000 года во многом повторила вступление в должность президента Ельцина в 1996 году. Другое дело, что ряд вещей все-таки был изменен. Лично мне кажется, что нынешний вариант удачей.

— Работать над созданием главных церемоний страны интересно?

— Создание любой церемонии, любого действия — это своеобразное и очень интересное творчество. Когда возникает подобная необходимость, я с удовольствием этим занимаюсь, но мы не разрабатываем государственные церемонии как таковые — наша работа связана с их геральдическим оформлением. Правда, в некоторых случаях мы занимаемся ритуалами, как это было с захоронением останков царской семьи.

— Известно, что у вас хорошие отношения с нынешним домом Романовых, не могли бы вы рассказать об этом знакомстве?

— Я не стал бы говорить о доме Романовых в целом. Со многими членами фамилии мы практически не встречаемся. Другое дело, что у меня дружеские отношения с главой Объединения семьи Романовых князем Николаем Романовичем и его братом Дмитрием Романовичем.

Сперва я познакомился с Дмитрием Романовичем. Это было в Копенгагене в 1993 году. Я вместе с другими руководителями петербургских музеев был приглашен в Данию, поездка вышла очень интересной и полезной. Во время одной из встреч я оказался рядом с очень элегантным господином. Мы разговорились.

Я знал, что князь Дмитрий Романов пишет книги по истории орденов, кроме того, его неоднократно упоминал мой добрый знакомый князь Георгий Илларионович Васильчиков. Мы обсудили экспозицию, которая у нас обоих вызвала некоторое недоумение, затем, слово за слово, перешли на другие темы, был упомянут Георгий Илларионович, а наличие общих знакомых, как известно, сближает. Со временем наше знакомство перешло в теплые дружеские отношения. Я рад, что помог Дмитрию Романовичу в работе над очередной книгой.

— Считается, что у каждого человека есть «главная» книга» или книги, вы с этим согласны?

— Для каждого возраста, для каждой ситуации, для каждого настроения есть свои авторы.

Взрослые тоже имеют право на игру

Впечатление от вещи во многом определяется тем, вовремя ли она прочитана. Нужно, чтоб состояние души попало в резонанс с книгой.

— С вами подобное случалось?

— Когда-то меня поразила «Княжна Мери», потом почти до слез тронул «Орленок» Ростана, затем были «Три товарища» Ремарка... В свое время меня потрясла одна повесть, если не ошибаюсь, Нагибина. Рас-

Георгий Вилинбахов в своем кабинете в Эрмитаже.

сказ сына об отце. Действие происходит в сталинские годы, и там масса страшных деталей. Как, уже после ареста отца, ночью раздался непрерывный

произведение, которое восхищает и волнует. То же и литература. Можно лишь восхищаться людьми, у которых есть дар через слово передавать столь много.

— А современных авторов вы читаете?

— К сожалению, очень редко. Нет времени. Слишком много приходится читать по профессии. То же относится и к кинофильмам. Остается утешаться, что, когда уйду на пенсию, буду читать для удовольствия и доберусь, наконец, до всех книжек, которые приготовлены и ждут своего часа.

— В последние годы появилось довольно много людей в непонятных формах, с непонятными знаками различия и никому не известными наградами. Как вы к ним относитесь?

— Если говорить с профессиональной точки зрения, то геральдическая служба подобны-

ми вещами не занимается. Вся эта самостоятельность не имеет никакого отношения к системе государственных наград и государственному форменному костюму.

Любой гражданин может сплести себе любое одеяние и повесить на себя любую цапку. Любая общественная организация опять-таки может иметь свои костюмы, награды, знаки различия, жаловать кому-то титулы и звания, мы к этому относимся спокойно. Ну собрались три человека, создали общество любителей пива, придумали себе форменную одежду и специальный знак, что в этом страшного? Взрослые тоже имеют право на игру. Кто-то называет себя эльфом или гоблином, кто-то — графом. Нужно только, чтобы при этом не нарушалось действующее законодательство о государственных символах и государственных наградах. Все остальное — ради бога.

— Значит, в некоторых случаях государство все же вмешивается?

— Государство может вмешаться и прекратить этот маскарад, если самостоятельные костюмы и награды будут до стадии смешения совпадать с действующими государственными. Нельзя, чтобы общественная награда копировала, к примеру, звезду Героя Советского Союза или звезду Героя России, иначе рано или поздно появятся желающие сыграть на подобном сходстве, присвоив чужие полномочия и привилегии.

Если кто-то, пользуясь своей побрякушкой, сознательно получает то, на что не имеет права, он является элементарным мошенником и подлежит соответствующему наказанию.

— А как вы относитесь к так называемым «реконструкторам», имитирующим старинную военную форму, ордена, знамена?

— Это вполне достойное занятие. Что касается форменного костюма, то здесь нет никаких вопросов. Сложнее с наградами и знаменами, причем сами реконструкторы придерживаются по этому вопросу прямо противоположных взглядов.

Одни полагают, что греха в копировании нет и почему бы людям, приписавшим себя к тому или иному некогда существовавшему полку, не изготовить точную копию боевого знамени этого полка. Историческая реконструкция — это своеобразный театр, а артисты выходят на сцену в любых орденах, и никого это не шокирует.

Те, кто к знаменам и наградам относится более трепетно, считают, что символы чести воинской части и знаки личной доблести не могут быть игрушкой. Спор на эту тему идет давно, но это совершенно нормально и никаких проблем и тем более повода для

вмешательства государства здесь нет.

— Про вас рассказывают, что вы увлекаетесь джазом, оловянными солдатиками и сигарами. Это правда? Если можно, расскажите о ваших увлечениях.

— Я люблю джаз, но увлечение — это нечто большее, оно подразумевает активные действия, требует времени, и значительного. У меня же все сводится к тому, что выбирая, какую музыку слушать, я предпочитаю джаз. Это, разумеется, не значит, что джаз вытесняет все остальное. Я люблю военную музыку и собираю военные марши. На пластинках, на кассетах, а сейчас уже и на дисках.

Вообще не понимаю, зачем нужно все расставлять по местам, что-то первое, что-то — второе, что-то — третье. Можно любить и джаз, и классику, и военную музыку, одно другому совершенно не мешает. Вот современную эстраду я и впрямь воспринимаю в меньшей мере.

— Раз уж речь зашла о маршах... Как вы относитесь к разговорам о том, что многие советские марши на самом деле написаны до революции и, по сути дела, украдены?

— Кто говорит? И о каких именно маршах? Я люблю точность, да и профессия налагает определенный отпечаток. Слово «говорят» меня не устраивает. Одно дело, когда историк музыки заявляет, что марш, который исполняли тогда-то и называли так-то, на самом деле был написан на пять лет раньше композитором таким-то. Тут все ясно, как в случае со знаменитым «Варягом» — налицо исторический факт, который никто и не думает скрывать. А что до ответственности военной музыки, то причина ее очевидна. В первые годы советской власти военными музыкантами, капельмейстерами были те же люди, что и до революции. И играли они ту же музыку, что и в Русско-японскую войну, и в Русско-германскую. Музыка эта, кстати говоря, жива и теперь.

Репертуар военных оркестров сегодня расширился, в том числе и за счет старых мелодий, но «Прощание славянки» и «Тоску по родине» исполняли и при Ленине, и при Сталине, и при Брежневе. Никто не говорил, что, к примеру, «Старый егерский марш» написан после революции, не пытался выдать его за советский. Для тех, кто интересовался историей военной

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14

Фото Людмилы Волковой